

пьютера. Все необходимые действия можно проделывать непосредственно на экране посредством специального маркера или даже пальца. Преподаватель не отвлекается от занятия для проведения необходимых манипуляций за компьютером при объяснении материала. Это положительно сказывается на качестве подачи учебного материала.

Благодаря мультимедийным возможностям доски на занятиях можно производить различные манипуляции с графикой и текстом. Так, при изучении структуры предложений и построения их в абзацы студенты используют различные инструменты SmartBoard (карандаш, кисть и т.д.) для обозначения логических связей между словами и фразами, с целью графического выделения (палитра доски) ошибок и неточностей в тексте и т.п.

Также занятие может проходить в форме презентаций с последующей дискуссией; к примеру, при обсуждении тезисов, написанных студентами. Сама презентация создается в программе PowerPoint, однако в процессе обсуждения научного доклада автор (студент), используя возможности доски, может создавать пометки непосредственно на самих слайдах: подчеркивать какие-либо моменты, разъяснять непонятные выражения и прочее.

Использование мультимедийных интерактивных технологий при коммуникативном обучении иностранному языку значительно повышает качество подачи материала урока и эффективность усвоения этого материала учащимися. Как показывает практика, использование и внедрение современных технологий, мультимедийного оборудования обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению английского языка со стороны студентов и наблюдается тесное сотрудничество между преподавателем и учащимися.

Таким образом, на сегодняшний день интерактивная технология SmartBoard является неотъемлемой частью современного образовательного процесса, разнообразит виды работы на занятии и повышает эффективность обучения научной письменной речи на английском языке.

**ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ В РОМАНЕ
И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»**

Фунтусова В.С.

*Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского, Чита, e-mail: valtir@mail.ru*

Вся долгая жизнь И.С. Тургенева и в плане биографическом, и в плане развития духовной жизни была очень тесно связана с Западной Европой. Эта связь вполне закономерно нашла отражение в творчестве писателя, и в частности в романе «Дым», написанном в 1867 г.

Все романы Тургенева в чем-то биографичны, «Дым» – не исключение. В нем внимательный читатель просматривает не только этапы биографии автора, его увлеченность западными идеями, но и на личности героя находит отклик личности Тургенева.

Например, автор романа родился в дворянской семье, получил хорошее домашнее образование, ориентированное на западноевропейскую литературу и культуру, продолжил его в пансионе Вейденгаммера, а позднее – в пансионе Крауза. Лучший друг Тургенева-пансионера – мальчик, влюбленный в немецкую поэзию.

Главный герой романа «Дым» – Григорий Михайлович Литвинов имел мать – дворянку, «из институток», которая «дом свой... также поставила на европейскую ногу...» [1, с. 11].

Свой первый студенческий год Тургенев провел в Московском университете, потом отец перевел его в Петербург. И Литвинов поступил в Москву в университет, правда «не кончил курса по обстоятельству...» [1, с. 12].

В 1837 г. девятнадцатилетним юношей Тургенев почти на три года покинул Россию, отправившись «доучиваться в Берлин». Поездки молодых людей в немецкие университеты для завершения образования были довольно распространенным явлением в быту богатого дворянского круга.

Герой романа «Дым», преисполнившись намерения превратить имение матери в золотое дно, «отправился за границу учиться агрономии и технологии, учиться с азбуки» [1, с. 12]. В своем Отечестве негде было достать «опыта и знания». «Четыре года с лишком провел он в Мекленбурге, в Силезии, в Карлсруэ, ездил в Бельгию, в Англию, трудился добросовестно, приобрел познания: нелегко они ему давались; но он выдержал искусы до конца, и вот теперь, уверенный в самом себе, в своей будущности, в пользе, которую он принесет своим землям, пожалуй даже всему краю, он собирается возвратиться на родину...» [1, с. 12].

Вернемся к автору. В январе 1847г. Тургенев вновь оставит Россию на три года, в конце пятидесятых будет выезжать в Западную Европу многократно и уже главным образом в ней проведет последние двадцать лет своей жизни [2, с. 65].

Тургенев полагал, что Запад укрепил и выстроил его душу. «Европейская жизнь, – как замечал друг и биограф писателя Павел Анненков, – много помогла ему в этом труде над собой. Вообще говоря, Европа была для него землей обновления: корни всех его стремлений, основы для воспитания воли и характера, а также и развития самой мысли заложены были в ее почве...» [3, с. 128].

Обретенное самосознание позволило ему найти и общественно-художественную позицию, с которой он мог понять и оценить явления русской жизни. На Западе он поверил в себя и в Россию. Ибо западничество выражалось не в презрении к России, а в отрицании ее отсталости и патриархальности: оно было во многом утопической и, без всякого сомнения, оптимистической верой в будущее русского народа, которому суждено было, по мнению западников, стать одной из ведущих культурных наций Европы и всего мира. [3, с. 134]

Идейной опоры для своего творчества в окружающей его российской жизни писатель не находил тогда: «... почти все, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувства смущения, негодования – отвращения, наконец. Долго колебаться я не мог. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя «всех и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал... Я бросился вниз головою в «немецкое море», долженствовало очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн – я все-таки очутился «западником», и остался им навсегда» [4, с. 125].

Свою поездку в Германию, на Запад, Тургенев расценивал как очищение и возрождение себя, имея в виду свое дальнейшее духовное и нравственное развитие. [5, с. 144]

Примерно то же чувствовал и Литвинов, когда «... окончив свою темную, приготовительную работу, собрался вступить на новое поприще, начать действительную, не коронную службу...» [1, с. 13].

Убежденным западником в романе является еще один герой романа, надворный советник Потугин, самый приятный, если можно так выразиться, для автора и читателя гость в номере Губарева: «Я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан... ци-

визации... и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет» [1, с. 41]

Несомненно, и в этом герое есть частица личности Тургенева. Тем интереснее слушать разглагольствования Потугина о несообразности славянофильских воззрений («... образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка мужичок, я пропадаю от болести; а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка барин, я пропадаю от темноты. Ну, и разумеется, оба ни с места» [1, с. 43]), о сообразности западных идей на русской почве («Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудок ее переварит по-своему; и со временем, когда организм окрепнет, он даст свой сок» [1, с. 43]), о патриотизме, например:

« – Ну, а Россию, Созонт Иванович, свою родину, вы любите?»

Потугин провел рукой по лицу.

– Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу».

Итак, вывод современников писателя после выхода в 1867г. романа «Дым» был обозначен: Тургенев призывает в своих произведениях к использованию в деле гуманизации родины опыта европейцев. Это можно подтвердить отрывком из воспоминаний С.Е.Боборыкина «Тургенев дома и за границей». Боборыкин, подчеркивая его «несомненную своеобразность как русского писателя и человека», фиксирует тургеневскую «платоническую любовь к немецкой умственной культуре... он был необыкновенно хорошо знаком со всем, что составляет духовное достояние Германии, прекрасно говорил по-немецки, и из всех мне известных писателей он только овладел всесторонне знакомством с немецкой образованностью... в Тургеневе искреннее признание всех достоинств немецкой нации делало его не только беспристрастным, но и безусловным сторонником немцев во всем, чем они выше нас» [3, с. 146]

И после этой сухой фразы, эмоциональной цитаты фраза из «Дыма» кажется наполненной горячим чувством: «страстно люблю и страстно ее [родину] ненавижу».

Какая она, послереформенная Русь, описанная в романе Тургенева, вызывающая у автора такое двойственное, противоречивое чувство?

Писатель показывает читателю новую Россию, в которой сохраняются институты старого феодального общества в виде крестьянских общин (существование их насчитывает не одну сотню лет), возникают артели как признак общества капиталистического. И в то же время в воздухе витают социалистические идеи.

Русская интеллигенция не видит ясных путей развития общества и кидается от одних идей к другим. Многие обращают свой взор на Запад, так как там выработана устойчивая система устройства жизни. Можно ли так однозначно утверждать, что Тургенев в числе этих многих?

Анализ романа невольно приводит к выводу, что ориентация на Запад в политическом, экономическом, культурном развитии России, по мнению Тургенева, ошибочна.

Приведем первый аргумент в пользу данного вывода. В произведении писатель резко сатирически изображает русскую аристократическую публику, собирающуюся на знаменитом курорте в Баден-Бадене возле «русского дерева». Сарказм Тургенева в создании сборного портрета родной аристократии несомненен: чего стоит, например, «граф Х., наш несравненный дилетант, глубокая музыкальная натура, который так божеественно «сказывает» романсы, а в сущности дух нот разобрать не может». [1, с. 7] Или «наш восхитительный барон Z., этот мастер на все руки: и литератор, и администратор, и оратор, и шулер». [1, с. 7] Или «князь V., друг религии и народа, составивший

себе во время оно, в блаженную эпоху откупа, громадное состояние продажей сивухи». [1, с. 8] А вот «Р.Р., забавный толстяк, который считает себя очень большим и очень умным человеком, а здоров как бык и глуп как пень...» [1, с. 8]

Но это аристократия, бессмысленность существования которой описана неоднократно и не одним только Тургеневым. Но через две главы буквально автор дает точно такой же по сатирическому накалу портрет «передовой» публики, мыслящей демократическими категориями, рассуждающей о «вопросах», то есть о «свободе и порядке», о «главенстве народа», «праве на работу», об эмансипации и т.д.

Отдельные лица, мелькающие в этом общем портрете прозападно настроенных мыслителей, изображены не менее живописно: «некто Пищалкин, ... человек из числа тех людей, в которых, может быть, точно нуждается Россия, а именно – ограниченный, мало знающий и бездарный...» [1, с. 24] Или «несколько офицерчиков, обрадовавшихся случаю... побаловаться с умными и немного даже опасными людьми...», «двое жиденьких студентиков из Гейдельберга...», «французик: грязенький, бедный, глупенький...» [1, с. 25] Какие уничижительные эпитеты, сдобренные уменьшительно-презрительными суффиксами! Или «явился Тит Биндасов... кулак и выжка, по речам террорист, по призванию квартальный...».

Два эти описания не случайно композиционно помещены рядом: они зеркально отражаются один в другом в подборе образов, изобразительно-выразительных средств. Так автор подчеркивает пустую суетливость, ничтожность жизни аристократов и такую же тщету и пустоту рассуждений о «вопросах», о «деле» ориентированных на Запад гостей Губарева.

Могут ли все эти Биндасовы, Бамбаевы, Суханчиковы «обустроить» Россию, влить в ее дряхлеющие вены свежую кровь? Сменит ли разговоры настоящее дело?

Сюжет романа позволяет проследить за каждым героем, упомянутым в первых главах. Потуги к полезной деятельности так и остались потугами. Всегда восторженный и перед всеми лебезящий Бамбаев в конце романа превращается в жалкого лакея братьев Губаревых; эмансипированная дама Матрена Суханчикова, странствуя из края в край, сочиняет и разносит всякие небывлицы и, наконец, изгнанная «великим Губаревым», уезжает в Португалию с двумя членами собственной партии – матреновцами. Единственное полезное дело Суханчиковой – поддержка двух сирот – племянниц. Сам Степан Николаевич Губарев в финале романа сбрасывает с себя маску «народника» и становится ярким крепостником.

Мелка и ничтожна хозяйственная деятельность главного героя Литвинова, посвятившего годы обучению наукам в Европе: «О преобразованиях и нововведениях, разумеется, не могло быть и речи; применение приобретенных за границей сведений отодвинулось на неопределенное время... Сам Литвинов... кончил тем, что отдал большую часть земли крестьянам исполу, то есть обратился к убогому, первобытному хозяйству, однако кой в чем успел: возобновил фабрику, завел крошечную ферму с пятью вольнонаемными работниками...» [1, с. 178] А ведь намерения его были грандиозные: принести пользу не только своим землям, но и «всему краю»

Созонт Иванович Потугин (говорящая фамилия!), взгляды которого так близки западническим воззрениям Тургенева, упомянут автором в самом конце произведения, строкой «Та девочка, которую поручили его попечению, недавно умерла» [1, с. 187] писатель заканчивает роман. Эта печальная строка кажется нам знаковой: потуги на деятельность так остались потугами, не смогли оформиться в конкретное дело. Даже ребенка не смогли сохранить, воспитать и вывести в люди, что уж тут говорить о целой стране.

Само название романа знаковое – «Дым». Подводя итог прошедшему, Литвинов с горечью думает: «... все дым и пар, ... все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то – и все исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось все в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и – ненужная игра» [1, с. 175]

Тургенев – человек по своим убеждениям был западником, а Тургенев – писатель, живо откликался на веяния современности, объективно и гениально «проверял» их на художественном материале романа и выносил безжалостный вердикт: западные теории для России неприемлемы.

Вывод: у России свой, уникальный, ни на один европейский не похожий путь. Какой? На этот вопрос писатель ответить, похоже, не успел, или не смог. Скорее, на этот вечный вопрос до сих пор нет ответа. Путь великой страны не виден, не различим в дымке, в дыму.

Список литературы

1. Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12-ти томах. Том 4. – М., Художественная литература, 1954.
2. Недзвецкий В.А. Герой И.С. Тургенева и Россия // Вестник Московского университета. – 2006. – С. 24-41.
3. Кантор В. Иван Тургенев: Россия сквозь «магический кристалл» Германии // Вопросы литературы. – 1996. С. 45-68.
4. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. – М.: Московский университет, 1987.
5. Батюто А. Тургенев – романист. – СПб: Наука, 1972.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Халимова А.В., Ленинцева В.А.

*Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
им. Н.Г. Чернышевского, Чита, e-mail: talisman-rock@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению проблемы современного китайского языка и языка Интернета. Автор обращает внимание на влияние глобальных социокультурных изменений на социальную и языковую идентичность пользователей Интернета и характеризует изменения статусных характеристик современного литературного китайского языка.

«Глобализацией называется процесс всемирной интеграции и унификации в экономической, политической и культурной сферах жизни» [1]. Термин «глобализация» был впервые введен американским экономистом Т. Левиттой. Он обозначал явление слияния рынков, которое начало активно проявляться в начале 80-х годов XX века. Позже японский консультант Гарвардской школы бизнеса Кеничи Оми писал в своей книге «Мир без границ» (1990): «...экономический механизм некоторых стран стал бессмысленным, роли могущественных авторов на мировой сцене исполняются глобальными фирмами» [2]. Большинство исследователей процесса глобализации анализируют ее, в основном, в экономической, правовой или политической плоскости. Влияние же процессов глобализации на социальные процессы и межкультурные коммуникации современного общества ими исследованы недостаточно. Из этого следует, что рассмотрение влияния глобальных социокультурных изменений на социальную и языковую идентичность представляет особый интерес.

Глобализация как сложный процесс имеет множество форм и аспектов, наиболее важные из которых – это взаимоотношения между современными национальными государствами. Кроме того, глобализацию можно еще определить как формирование единого общемирового информационного пространства, как бы интеграцию каналов информационной связи.

Возникновение языка Интернета явилось отражением процесса культурной глобализации и сегодня

представляется актуальным и современным, так как Интернет-язык – это, во-первых, любопытнейшее лингвистическое явление. А во-вторых, возникновение и существование этого явления тесно связано с жизнью и творческой активностью молодежи и студенчества, которые традиционно считаются основным социальным ресурсом государства.

Язык общения в Интернете становится все более и более разнообразным, постоянно изменяется.

Одним из самых распространенных языков общения в Интернете стал китайский язык. Несомненный интерес представляет то, как на современный китайский язык влияет язык Интернета. Благодаря молодежной аудитории интернет-язык обрел в Китае простоту повседневной жизни, и его составляющими стали юмор, признание в любви, и т. д.

Например: 5 2 1 - 我爱你 (wo ai ni) я люблю тебя; 8 8 - 再见 (拜拜) (zai jian, baibai) пока; 6 - 顺利 (shunli) успехов!; 2 1 9 9 - 爱你久久 (ai ni jiujiu) буду любить тебя всегда.

Это заставило отцов семейств и учителей беспокоиться о том, не сложится ли у молодежи дурная привычка неправильного употребления иероглифов, не станет ли язык Интернета преградой на пути общения родителей с детьми. «Негативное влияние Интернет-языка очевидно. Главный вопрос – сможет ли он сильно ударить по литературному китайскому языку?» – говорит Чао Цзинчжоу, сотрудник института языковедения Академии общественных наук КНР [3].

Во всекитайском университете СМИ было проведено исследование языка Интернета. При помощи статистических методов были обнаружены следующие недостатки: общение в сети не соответствует нормам лексики и грамматики современного китайского языка, например, в сети широко распространено присоединение английских суффиксов (-ing для выражения длительности действия, -s для выражения множественного числа имени существительного) к китайским словам «关注ing» (guanzhu' ing) слежу, «期待ing» (qidai' ing) жду, «兄弟s» (xiongdi' s) братья и т. д.

Иногда молодежь пользуется этим языком и в повседневной жизни. Появляются не отвечающие нормам современного китайского языка слова и выражения. Если все эти языковые явления в большом количестве войдут в повседневную жизнь, то это, несомненно, повлечет за собой изменение китайского языка.

Некоторые китайские лингвисты отмечают, что кодифицированные в словарях и грамматиках языковые нормы зачастую конфликтуют с нормальным функционированием языка в речи обычных людей. Лексикографы должны постоянно включать в словари большое количество новых слов. Если не фиксировать эти новые слова, нормативный язык не будет успевать за живым языковым развитием, но пока в современные китайские словари не вошли слова Интернет-языка.

История китайских иероглифов насчитывает три с лишним тысячи лет. Китайский язык всегда был открыт для изменений. Он способен впитать в себя языки разных сфер и отраслей и даже диалекты, но при одном условии – кодификации их словаря, включения их в нормативный китайский язык. К примеру, в китайский язык вошли такие искусствоведческие термины, как «走穴» – зарабатывать деньги на гастролях, «穿帮» (chuanban) – обнажить недостатки. Точно так же и язык – интернет может войти в современный китайский язык в той части, в которой будет принят обществом, если будет отвечать законам развития языка.

Итак, для каждого отдельного языка характерна собственная форма Интернет – языка, но причины его появления, способы образования слов, грамматические правила являются универсальными для всех.